

ПРОЗА
Поэма

Марина Цветаева
Марина
ЦВЕТАЕВА

БАГРИУС

Марина Ивановна Цветаева
Страховка жизни
Серия «Автобиографическая проза»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175896
Марина Цветаева. Проза поэта: Вагриус; Москва;
ISBN 5-264-00594-X*

Аннотация

...Цветаевская проза с первых слов, с первых строк очаровывает, завораживает: перед читателем разворачивается музыкально-поэтическое полотно воспоминаний, критических замечаний, дневниковых записей. Это та Музыка, которая вылилась в Лирику, и та Лирика, которая породила Прозу, прозу лирическую, как определила ее сама Цветаева. Поэтому использование стихотворных приемов, поэтических образов в этой прозе закономерно. То, что не выплеснулось в стихи, высказалось в прозе, а так как в основе и того и другого лежат биографические факты, мы сталкиваемся с необычным явлением: Марина Цветаева рассказала о времени и о себе языком поэзии и прозы, и эти два жанра органично дополняют друг друга.

Содержание

Марина Цветаева

Страховка жизни

Сидели, мирно ужинали, – а может, и обедали, дело слов, ибо салат все тот же, – итак, сливая русский ужин с французским обедом в римском салате, – ели: отец, мать и сын.

– Мама, а какие французы обильные, – вдруг сказал мальчик.

– Это не французы обильные, это русские обильные! – горячо сказала мать. – И вообще, так скорей принято говорить о странах.

– По-о-чему? – изумился мальчик. – Как страна может быть обильной? У нее же нет рук.

В эту секунду раздался стук в дверь, и мать, не успев распознать очередного сыновнего словесного метиса (*habil'ный*¹), пошла открывать. На пороге, в полной тьме площадки, стоял кто-то очень высокий, с шляпой в руке.

– Извините, сударыня, – сказал он молодым голосом, – я – инспектор...

Мать, отступив, тем – впустила. Молодой человек по ее пятам шагнул в кухню, где и стал – между обеденным столом, посудным столом, газом, плитой, раковиной и стульями обедающих – вроде как бы на единственной сухой от прилива и твердой между пропастями пяди: одной ногой, переки-

¹ *Nabile* (фр.) – ловкий, умелый.

нув через нее вторую, левую.

– Да? – не подымая глаз, спросила бровями мать, уже усевшись за салат.

– Простите, что я нарушаю ваш обед, но я инспектор и... (“Налог! – мысленно произнесла она. – А ведь недавно вносили, или, может, опять вспомнили похищенного генерала и стали переписывать всех русских?”)

– Вот моя карточка, – продолжал молодой человек, поднося к ее глазам и тут же от них отымая (так детям на секунду показывают завтрашний “сюрприз” – распаханную книжку с какой-то фотографией, может быть, действительно похожей, если бы она успела рассмотреть, во-первых, ее, во-вторых, подающего).

“Но почему же он не говорит Surete² и не показывает знака? – подумала она, мысленно проделывая за него жест, открывающий знак. – И за что же нас арестовывать, наконец?”

– Assurance³, – точно в подтверждение прозвучал над ней его голос.

Услышав наконец роковое (ибо принятое за Syretй) слово, она перестала есть и стала ждать.

– Я иду в Ньюельмон, – продолжал сверху голос, – и осматриваю квартиры с точки зрения пожара.

“Господи! – пронеслось у нее в голове. – А у меня плохой электрический шнур, весь в узлах и с постоянными взрыва-

² Полиция (фр.).

³ Страхование (фр.).

ми! И что такое Ньюельмон?”)

– Вы, кажется, не понимаете по-французски, – осведомился он, этим доводя до сознания присутствующих, что они с самой секунды его входа, в ответ на все его речи, не только не произнесли ни одного слова, но даже слога, так что он законно мог бы спросить: “Вы, кажется, лишены дара речи?”

– О нет! – воскликнула мать, задетая за живое, и от этого, действительно, оживая. – Мы отлично понимаем. Но, простите, что вам от нас нужно?

– Вы спрашиваете, что мне от вас нужно? – продолжал голос с усмешкой. – Я же вам сказал: я прохожу в Ньюельмон.

“Безработный! – подумала она. – Очевидно, идет к себе в Ньюельмон и по дороге осматривает печи. Нужно дать”. И, вскинув наконец глаза:

– Мы не очень богаты, – робко сказала она, – и печи у нас вычищены, но мы все-таки... – и тут же осеклась, потому что поняла, что видит над собой молодое, красивое, румяное, чисто выбритое и чисто вымытое, вовсе не безработное, а еще менее – печниково – лицо, под которым, по обратному пути глаз в тарелку, удостоверила и новый вишневый галстук, и чистый серый костюм.

– Так это именно для бедных! – оживился ньюельмонец. – Богатым – что! Хоть вся их семья перемрет, – их жизнь от этого не нарушится. Это именно для неимущих, живущих трудом своих рук.

– Но что такое “это”? – приободрясь, спросила она.

– Страховка жизни, – разве я вам этого не сказал? – И, с новыми силами: – Я прохожу в Ньюельмон (и вдруг она поняла, что никакого Ньюельмона нет, что есть annuellement⁴, последний слог которого он произносит “мон”), – и больше всего стараюсь заинтересовать своим предложением именно малоимущих, живущих трудами рук своих.

(Переводя глаза на тонкие, с длинными пальцами, руки мужа:)

– Ваш муж – художник?

– Нет, – выдавил муж.

– Нет? – удостоверился он у жены.

– Нет, – подтвердила жена.

– Любопытно, – задумался он, – я был уверен, что он художник. Я, вообще, буду говорить с вами, потому что ваш супруг имеет вид не понимающего по-французски. Итак, это именно важно для живущих трудом своих рук. Представьте себе, Madame, что вы имеете несчастье потерять своего мужа, – развязно, точно говоря не о здесь присутствующем, явно живущем и жующем муже, а о каком-то аллегорическом лице, которого та никогда и в глаза не видала и потерять которого, посему, никак не может. – И останетесь одна, с тремя малолетними детьми, младшим – грудным.

– У меня нет грудных детей, – ответила она, – мальчику, которого вы видите, девять лет.

⁴ Вероятно, страховщик говорит: “Je passe annuellement” – “Я ежегодно делаю обход”

– Но у других есть, вы же не можете сказать, что у других их нет, – ласково (так урезонивают успешного, но завравшегося ученика на экзамене) поправил инспектор. – Я знал одну женщину, у нее было шестеро малолетних, и когда ее муж упал со стройки...

– Ох! – вскрикнула она, содрогаясь от этого ужасного видения. – Какой ужас! С высока упал?

– Да, с седьмого, – подтвердил инспектор, утверждаясь на второй ноге, – и я сам выдал ей премию. Вы думаете – она не была рада?

– Какой ужас! – вторично и совсем по-другому воскликнула слушательница. – Какой ужас – радость таким деньгам!

– Но у нее были дети, – наставительно продолжал инспектор, – шестеро малолетних детей, и она не смерти их отца радовалась, а их благополучию. И если бы вы, Madame, имели несчастье лишиться своего мужа...

– Слушайте! – воскликнула она. – Вы уже второй раз говорите мне о смерти моего мужа. Это противно. У *нас* так не делают, при живом. Мы – иностранцы, я даже вам скажу, что мы – русские, и (уже на ходу, переходя в другую комнату за папиросами) русские своими ушами таких вещей слышать не могут, русские могут слышать только про *свою* смерть. Да!

– Madame, – звучал уже из коридора голос молодого человека, – вы меня не так поняли, я вовсе не хотел сказать, что вы непременно потеряете своего мужа, я только хотел

сказать, что это с вами, как со всякой, может случиться.

– Теперь вы это говорите в третий раз! – взорвалась молодая женщина, уже куря и идя прямо на него и этим водворяя его в кухню. – И я этого больше слышать не хочу. Если это – страховка жизни, объявляю вам, что я чужих жизней не боюсь.

– Но если Monsieur сам бы застраховал свою?

– Ни чужих, ни своих, это у нас не в крови, а кроме того, у нас нет денег, мы должны переезжать на другую квартиру, и...

– Но мое предложение как раз и рассчитано на лиц, переезжающих на другую квартиру. Во время квартирного переезда тоже могут быть несчастные случаи: стоявший шкаф, например, – шкаф, стоявший двадцать лет, – зеркальный шкаф, вы меня понимаете? – внезапно падает, и...

(“Какой ужас! – и она даже закрыла глаза. – Именно наш шкаф, данный нам именно за нестойкость...”)

– Мы не боимся падающих шкафов, – твердо сказала она, – мы, конечно, все делаем, чтобы шкаф не упал, но когда шкаф – падает, это – судьба, понимаете? Так вам ответит каждый русский.

– Русские всегда говорят “нет”, – задумчиво сказал молодой человек, покачиваясь в коленях, – в Медоне (я живу в Медоне) есть целый русский дом, который не говорит по-французски. Стучишь в дверь, выходит господин или дама и говорит: “Niet”. Тогда я сразу ухожу, потому что знаю, что

меня не поймут. Да, не часто меня понимают так, как вы, Madame. И, чтобы возвратиться к страховке...

– Лучше не возвращайтесь! – горячо и сердечно воскликнула она. – У нас все резоны не страховаться: во-первых, мы совершенно бедны и, все равно, не будем платить, предупреждаю вас, как честный человек, – вы будете ходить и ничего не будете получать, вы будете писать, и мы никогда не будем отвечать, – во-вторых, а для нас во-первых, – это нам, моему мужу и мне, претит одна мысль о деньгах за смерть кого-нибудь из нас.

– Monsieur думает – как вы? – спросил инспектор. – Он как будто не понимает по-французски.

– Он отлично понимает и думает совершенно как я. (И, чтобы как-нибудь загладить, рассеять:) Может, – когда мой сын вырастет и женится... Но мы – другого поколения, лирического поколения... (И, видя, что на этот раз он не понимает:) Мы – “сентиментальные”, “суеверные”, “фаталисты”, вы, наверное, уже об этом слышали? Про *ame slave*⁵?

– Да, я даже такой фильм видел с матерью. Старый русский генерал *dans un bonnet d'astrakhan*⁶ венчается в огромном храме и, заметив, что его молодая жена любит бедного офицера, тут же один уезжает в Сибирь, бросая ему из саней свой кошелек. Моя мать даже плакала... (И, после долгого раздумья:) Ваши чувства делают вам честь, и будем надеять-

⁵ Славянскую душу (фр.).

⁶ В папахе (фр.).

ся, что ваш сын будет вас радовать. У него всегда такой аппетит?

– “Нужно предложить сесть, – в который раз мелькнуло у нее в голове, – ведь сейчас это – гость, но куда поставить стул? Или уж – папиросу...”

– Я пятнадцатый сын, – задумчиво и совершенно уже другим, сновиденным каким-то голосом продолжал инспектор, – а после меня было еще двое. Мне двадцать шесть лет, а моей матери пятьдесят два года. У нее было семнадцать человек детей, и два воспаления легких, и ей два раза взрезали живот, и даже три, потому что второй раз забыли в нем простыню... А выглядит она моей сестрой, и она так же стройна, как вы. Мы иногда с ней смеемся и шутим.

– Как хорошо – семнадцать! – с неубежденным жаром воскликнула собеседница. – Все живы?

– Нет, только я жив; последний брат – ему было тридцать четыре года – в прошлом году разбился в автомобиле о дерево.

– А... другие? – робко спросила она.

– Другие? Все от несчастных случаев. Тонули, падали, иные – сгорали живьем (il y en a qui sont brulés vifs).

– (“Жанна д’Арк”, – еле слышно произнес мальчик.)

– ...И вы понимаете, что я не могу жениться? Что я это сделаю возможно позже, возможно позже... Мать – просто не сможет... О, нас очень сурово воспитывали, и, если бы я сейчас осмелился возразить отцу, я бы, конечно, получил

пощечину, и я бы ее принял. Моему отцу шестьдесят два года, и он весит сто пять кило.

– Но ваши родители, наверное, не парижане?

– Нет, парижане, то есть мать – парижанка, а отец – нормандец. Посмотрите на меня, я ведь не так уж мал (он все время высился над ней, как башня), а я еще из всех нас – самый неудачный. Другие были – великаны! Но так как уцелел именно я, я и не должен жениться, ни жениться, ни погибнуть от несчастного случая, ибо если бы я *ушел*, – *ушли* бы трое... А мать вашего роста и вашего сложения, но у таких матерей и бывают такие сыновья. О, вы не знаете мою мать, она каждый раз, как поздно бы я ни вернулся со службы, – несчастные случаи, ведь, во все часы! – в десять часов, в одиннадцать часов, в двенадцать часов, в один час, – встает и греет мне обед. Вот сегодня она выйдет мне навстречу в Issy-les-Moulineaux. Разве я могу жениться? Мне двадцать шесть лет, и я ни разу, понимаете, ни разу, не пошел без нее в синема и не проехался на пароходике. On prend tous ses plaisirs ensemble⁷. Разве я могу жениться?

– Вы – чудный сын! – от всей души воскликнула она, невольно переводя глаза на своего и точно спрашивая. – Дай Бог здоровья вам, и вашей матери, и вашему отцу!

– Да, здоровье мне необходимо, *мне* уходить – нельзя. Будем надеяться, что и ваш сын будет вас радовать. Чем ты хочешь быть, мальчик?

⁷ Мы всегда развлекаемся вместе (фр.).

– Service militaire⁸, а потом авиатором.

– Нет, авиатором быть нельзя, – твоей матери слишком часто пришлось бы смотреть в небо, а несчастных случаев достаточно и на земле. Вот военная служба – другое дело. Хорошая пора, лучшая пора, таким счастливым ты потом уже никогда не будешь... Итак, Madame, желаю вам счастья в вашем сыне. И простите, если я чем-нибудь задел ваши чувства... Вы любите своего мужа, у вас очаг, вам страховка так же не поможет, как и мне, я теперь вас понял...

И, нажав, на этот раз, ручку двери, на которую столько раз уже, беспоследственно, клал руку, с глубоким поклоном:

– Благодарствуйте и простите.

– Вы с ума сошли! – взорвался муж, зверем выскакивая из-за стола. – Я из-за вас всюду опоздал!

– Почему же вы не вышли? – спросила она, сама сознавая лицемерие вопроса.

– Почему? Да потому, что вы с ним загородили дверь, я как в западне сидел.

– А я нечаянно съел весь помидор, простите, мама, я так заслушался, что съел и вашу часть. – И, приставляя к губам носик чайника: – Ох, пить хочу! Вы знаете, он так говорил, что у меня в горле пересохло...

Стук в дверь.

– Простите, Madame, я только еще хотел вам сказать, что сегодня иду с матерью в кинематограф...

⁸ Здесь: отслужу в армии (фр.).

Проводив мужа, то есть получив в руку, вместо руки, ручку захлопнувшейся за ним двери, и уложив сына, пошедшего в постель, как камень ко дну, и только тогда, да и то не сразу, придя в себя, – во всем этом была напряженность сна, и сердце ее билось совершенно как у того, летевшего со стройки, – она встала к столу и на обороте первого попавшегося конверта высчитала, что пятнадцатым он, двадцатилетний, у пятидесятидвухлетней матери мог быть только при условии, что она вышла замуж пятнадцати лет и рожала своих семнадцать человек сыновей одного за другим, без единого дня перерыва. Бывает... С трудом, но – возможно... И уже гораздо возможнее, если три раза, например, близнецы (которые, конечно, и погибали парами: двое сразу утонуло, двое сразу упало, двое сразу сгорело, – тогда и смертей меньше)... Но, все-таки, чтобы все, все семнадцать минус один он, погибли от несчастных, таких разнообразных, всех имеющихся налицо случаев... Учитывая при этом одновременную развязность и официальность тона, которым он это сообщил, точно говоря наизусть преискурант... И сравнивая этот голос с тем, которым он говорил о матери, той, что выйдет к нему навстречу в Issy-les-Moulineaux.

Что это, вообще, было? Она не знала. Но даже, если в приливе странного вдохновения, тут же все это выдумал, – разве не умилителен этот миф о себе, семнадцати-сыновней матери последнем уцелевшем, безумно преданном сыне? Разве это не мечта о себе – лучшем, себе – настоящем? Не вопль

настоящей profession manquée!⁹ Не вся потенция сыновности?

Двадцати шести лет, будучи высоким, красивым, на собственный взгляд, да и на всей парижской улицы взгляд, – неотразимым, рассказывать чужой, не старой еще, женщине, – да и вовсе молодой во тьме коридора! – что до сих пор получает от отца пощечины и охотно их принимает. Разве это мечта современного молодого человека? И даже – старинного молодого человека?

Может быть, – думала она дальше, – не ручаюсь... Может быть, и семнадцати человек детей никаких не было, может быть, раз их не было, и семнадцати смертей не было, может быть, и нормандского отца, дающего пощечины – каждая в сто пять кило весом! – не было, может быть, – и, кажется, верней всего, и в этом, кажется, всё, – *отца вовсе не было.*

Но мать – была.

Июнь 1934

⁹ Неосуществленной мечты (фр.).